бану, так и к Чулкову, имел целью показать им выгоды объединения вокруг «Всякой всячины». «Бабушка» призывала издателей критически относиться к сотрудникам, часто анонимным, стремящимся использовать журналы в своих целях. Публикуя два грубых письма об «Ни то, ни се», «Всякая всячина» как бы говорила, что полемика угрожает не только ей. «Для пользы племени есть средство, — поучала она. — Незамай они пишут, а мы браниться не станем. Итак, пусть будут без удачи те, кои по французской пословице между коркою и деревом пальцы положили» (ВВ, с, 79). Именно так понял этот дипломатический ход некто Неспускалов, предположив, что письма Курмамета и Фалалея сочинены специально для данного случая самими издателями и что эти корреспонденты журнала «не гораздо надежны».[12]

Все эти наставления относились в первую очередь к Чулкову, так как журнал «Ни то, ни се», начавшийся только 21 февраля, к ссорам еще не был причастен. Сравнивая журналы Рубана и Чулкова, «Всякая всячина» ясно выразила свое отношение к «И то и сьо». «Перворожденный сын» оказался так мало благодарен родительнице своей, что «называл ее безо всякого почтения большою сестрицею»; разочарованно было упомянуто «о многих прочих его проступках противу матери», из-за которых «смолода он не обещал много соответствовать надежде об нем родительской» (ВВ, с. 74). Главным «проступком» были, очевидно, упоминавшиеся статьи Сумарокова.

На выступление «Всякой всячины» откликнулись оба журнала. Рубан и Башилов вступили в перебранку с Курмаметом и Фалалеем, а «бабушке» заявили, что они «хотя и внучки, но на возрасте» и не нуждаются в поучениях (ТС, № 5, с. 37).

Чулков также не пропустил замечаний журнала Екатерины II, однако отреагировал на них не прямо, а косвенно. Около этого времени (л. 8) он начал свою полемику с «Поденьщиной», которую продолжил и закончил в девятой неделе (17 марта). Статья о В. Тузове завершалась общими рассуждениями о журнальных спорах, причем Чулков полностью согласился с осуждением журнальной войны. «Почти все наши записки наполнены ссорой, которая нимало не приличествует журналам, ибо не на том они должны иметь свое основание, а должны содержать важное с полезным», — писал он. Ранее напечатав письмо Сумарокова в защиту литературной критики, теперь он уклончиво заявляет, что «здесь таких людей весьма мало, которые бы со вкусом критиковать могли». Кроме того, в статье содержатся объяснения насчет каких-то «невольных проступков» самого Чулкова, каких-то высказываний, неправильно истолкованных. Чулков объясняет свои «проступки» непривычкой к светской дипломатии и даже намекает, что отчасти они не от него зависели.

---

[12] Ни то, ни се, 1769, № 5, 21 марта, с 33. Далее при ссылках в тексте сокращенно — ТС (с указанием номера и страниц).